

ИСТОРИЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Возвращение казахов-репатриантов из Монголии на историческую родину

С. И. Ковальская, А. Хизат

Исторически сложилось, что казахское население сконцентрировано в значительной степени на территориях сопредельных с Казахстаном государств: Китая, России, Узбекистана. В данной статье авторы попытаются проследить историческую динамику адаптации казахской диаспоры, изначально проживавшей на территории Китая, затем сформировавшейся в Монголии и за последние 30 лет вернувшихся в Республику Казахстан. История формирования и развития казахской диаспоры по-своему является уникальной, и мы хотим проанализировать, используя историко-ретроспективный подход, процесс возвращения казахской диаспоры из Монголии в Казахстан.

В данной работе авторы руководствуются транснациональным подходом для изучения процесса возвращения этнических казахов на историческую родину. Мы опираемся на тезис, предложенный Дж. Шеффером (G. Sheffer), что взаимоотношения между родиной, диаспорой и принимающей страной являются «комплексными трехсторонними отношениями».

В статье будут использованы также качественные методы исследования: глубинное интервью и метод включенного наблюдения. При подготовке статьи были использованы материалы полевых экспедиции среди этнических казахов в Западной Монголии (Баян-Улгий), а также в Астане и ближайших селах: с. Караоткел, с. Коянды.

Ключевые слова: миграция, диаспора, казахи, родина, репатриация, репатрианты, оралман, кандас.

Введение

В настоящее время одним из самых обсуждаемых вопросов в мире является миграция, в том числе вопросы формирования диаспоры, история развития и её мобильность. Казахстан после распада Советского Союза начал активный процесс репатриации, другими словами, актуализировались вопросы возвращения казахской диаспоры на историческую родину. Республика Казахстан является инициатором мобилизации казахской диаспоры со всего мира. Политические рычаги притягивания диаспоры сыграли важную роль при формировании нового государства.

Цель данной статьи – проследить взаимосвязь репатриационной политики, осуществляющейся в современном Казахстане, с проблемой принадлежности диаспоры к исторической родине. Изучение вопроса в проблемно-хронологическом ключе позволит выявить причины формирования диаспоры и проанализировать, как на современном этапе осуществления репатриации проявляется вопрос о принадлежности диаспоры к исторической родине.

Гипотеза исследования сводится к утверждению, что этническая принадлежность и воображаемая историческая родина в сознании казахской диаспоры из Монголии сыграли ключевую роль в выборе страны возвращения Казахстана, а не в Китае, где столько лет они жили, считая своей родиной, с территории которого они, собственно, и переселились первоначально в Монголию. Однако реальная и воображаемая связь с утерянной и во многом воображаемой исторической родиной, ставшей национальным государством Республикой Казахстан, определило выбор, который можно определить как рациональный, основанный на транслируемой исторической памяти, политических изменениях, обретении независимости и построении национального государства, а также на социально-экономической стабильности.

Полновесное изучение истории формирования и судеб представителей казахской диаспоры стало возможным только в период независимости. Основателем диаспорологии как самостоятельного научного направления в Казахстане стала доктор исторических наук, профессор Г.М. Мендикулова [1]. Научная ценность её трудов в первую очередь определяется

архивными и иными источниками, впервые введенными ею в научный оборот [2]. Особенную важность приобретают собранные ею интервью среди казахов, проживающих за рубежом.

Среди других казахстанских авторов необходимо выделить известных демографов М. Татимова [3] и А. Н. Алексеенко [4]. В 2015 г. вышла коллективная монография «Казахская диаспора и репатриация (1991–2012)», в которой также уделено значительное внимание казахам из Монголии [5].

Отдельного внимания заслуживают труды известного российского ученого Н. Н. Аблажей, которая на протяжении многих лет занимается вопросами эмиграции, репатриационной политики в Российской Федерации и Республике Казахстан и другими смежными проблемами [6]. Изучением национальной политики в отношении казахов, проживающих за рубежом, занимается казахстанский исследователь Н. Б. Сейдин [7]. Основные факторы возвращения казахов на историческую родину, в первую очередь из Монголии, которые стали первыми репатриантами, трудности их переезда в страну и адаптация на местах представлены в работе Е. Ю. Садовской «Миграция в Казахстане на рубеже XXI в.: основные тенденции и перспективы» [8].

Краткий обзор миграционной политики Республики Казахстан, оценка положения социальной, экономической и культурной интеграции казахов-репатриантов описан в совместной статье Г. К. Абдигалиевой и А. А. Камалдиновой «Социально-политическое положение оралманов в Казахстане» [9].

Переселению казахов из Монголии посвящена книга Зардыхана Кинаятулы «Монғолиядағы қазақтар» [10], известного монгольского и казахстанского ученого, также прошедшего путь возвращения и обретения исторической родины и гражданства. Отдельно хотелось бы назвать совместные труды ученых-этнографов А. Калыша и Д. Касымовой «Пути интеграции оралманов в казахстанское общество: реалии и вызовы» [11] и «Поле и смысл социокультурной интеграции этнических репатриантов» [12]. Социальной адаптации репатриантов посвящен совместный труд М. С. Садырова и С. А. Амитовой, которые провели социологический анализ миграционных процессов в Казахстане [13].

Тема казахских беженцев достаточно подробно анализировалась в зарубежной науке, оставаясь довольно долго запретной темой в советской историографии. Среди авторов в первую очередь можно выделить книгу И. Сванберга «Казахские беженцы в Турции: исследование по культурному выживанию в условиях социальных перемен» [14]. Основное внимание в книге уделено казахам Китая, проживавшим в Синьцзяне и участвующим в восстании под руководством Осман Батыра, и их судьбам после подавления восстания, эмиграции в Индию, Пакистан и затем в Турцию. Основной акцент сделан на сохранении национальной идентичности несмотря на все катаклизмы и потрясения.

Американские исследователи Х. Баркус и С. Вернер (H. Barcus, S. Werner) [15] обосновали теоретические и методологические аспекты процесса репатриации, а также остановились на характеристике политических и культурных проблем казахов-репатриантов. Бхавна Дэви (Bhavna Dave) изучает проблему репатриантов в Казахстане через призму реализации современной национальной политики государства [16].

Петер Финке, профессор Цюрихского университета, уделяет особое внимание изучению культуры и традиций казахских репатриантов из Монголии, Китая, Турции. Например, в своём труде «Historical Nomelands and Transnational Ties: the Case of the Mongolian Kazaks» [17] автор приводит важные сведения о вернувшихся из Монголии казахам (кандасов), их адаптации в общественной среде и культурной жизни Казахстана. Совместно с турецким исследователем Мелтемом Сансаком Петер Финке издал работу «Migration and Risk Taking A Case Study from Kazakhstan» [18].

Безусловно, при анализе изучаемой темы очень важна монография С. Кэмерон «Голодная степь: голод, насилие и создание Советского Казахстана», которая была переведена на русский и казахский языки и также объясняет причины массового исхода казахов за пределы степи, вызванные голодом 1930-х гг., в том числе на территорию современной Монголии [19].

В статье мы также опираемся на материалы, опубликованные монгольским ученым Ц. Баатаром о современном положении казахской общины в Монголии [20].

Исследование миграционных процессов, в том числе процессы возвращения диаспоры на родину, требует особенного подхода и инструментария гуманитарных наук. В данной работе авторы руководствуются методом социально-антропологического подхода в изучения истории диаспоры. Мы опираемся на тезис, предложенный Дж. Шеффером (G. Sheffer) в его работе «Политика диаспоры: дома за границей», что взаимоотношения между родиной, диаспорой и принимающей страной являются «комплексными трехсторонними отношениями» [21].

Как правило, диаспора существует как минимум в двух мирах: стране исхода и стране вселения. В нашем случае активно добавляется так называемый третий мир – некогда утраченная, воображаемая историческая родина, память и знания о которой были сосредоточены в легендах, преданиях, устном народом творчестве.

Авторы опирались на транснациональный подход для изучения процесса возвращения этнических казахов на историческую родину [22]. Безусловно, родина является фундаментом коллективной диаспоральной идентичности, поэтому связь с территорией родины, людьми с родины очень важна. Эти связи, а также мечта о возвращении, которая, впрочем, может никогда и не осуществиться, помогают диаспоре сохранять свою идентичность.

При изложении материала использованы качественные методы исследования, такие как глубинное интервью и метод включенного наблюдения. При подготовке статьи были использованы материалы полевых экспедиций, проведенных А. Хизат в 2014 и 2019 гг. в Западной Монголии в г. Баян-Улгий среди этнических казахов. Кроме того, интервью проводились как в самом г. Астане, так и в близлежащих селах: Караткел и Коянды.

Результаты

По данным казахского демографа М. Татимова, на момент обретения Казахстаном независимости насчитывалось около 3 273 тыс. казахов, проживавших за рубежом [23, с. 25]. В концепции по репатриации этнических казахов, принятой в 1998 г., численность казахов за рубежом была указана в 4,1 млн чел. [24].

Наша статья основывается на примере жизни казахской диаспоры в Монголии, изучая историю которой можно проследить изменения миграционных движений и в целом адаптацию диаспоры на исторической родине. После обретения независимости в Республику Казахстан стала возвращаться казахская диаспора из Монголии. Но воображаемая историческая родина оказалась не такой в реальности, как виделась издали, что привело к некоторому разочарованию и проблемам при адаптации и даже к возвратной миграции.

Казахская диаспора в Монголии образовалась в конце XIX – начале XX в. Причинами переселения казахов в Монголию стала нехватка пригодных земель для пастбищ и колониальная политика со стороны Цинской империи по отношению к казахам западной части Китая Синьзянского автономного округа. Казахи массово стали переселяться в Ховд аймак на Алтае, где просили подданства Монголии [20].

Вопрос формирования казахской диаспоры в Монголии является малоизученным. Если условно разделить на исторические этапы формирование и развитие казахской диаспоры в Монголии, они выглядят следующим образом. Середина XIX и начало XX в. ознаменовались миграционными движениями, регулируемые заключенными договорами между Российской и Цинской империями. Одним из первых договоров, определяющим границы, стал Пекинский договор от 2 ноября 1860 г. Заключительным договором между странами стал Чугучакский договор от 25 сентября 1864 г., где были прописаны отошедшие земли кочевков и народы, проживающие на территории той страны, куда отошли эти земли, и ей же стали управляться [1, с. 105].

Санкт-Петербургский договор, заключенный между сторонами в 1881 г., также предусматривал разрешение вопроса миграции казахов между странами. Опираясь на монографию Г. М. Мендикуловой, можно констатировать, что в XIX в. в районах Тарбагатай и р. Боратал кочевали казахи родов керей и найман, в том числе из рода керей, ветви байджигит – 8500 юрт, 42,5 тыс. чел. Казахи рода матай и кызай кочевали в горах Тарбагатай, Барлык-Майли, рядом с озером Эбинор и Боротал в составе 20 тыс. юрт или 90 тыс. чел. [1, с. 105]. Из этого можно

сделать вывод, что казахи исторически проживали на территории нынешнего Китая, считая эти земли своими.

Массовое переселение и откочевки приходится на время проведения Столыпинских реформ в 1905–1907 гг., а также на период 1912–1914 гг., когда имперское российское правительство проводило активную аграрную политику, и созданное переселенческое управление, обустривая российских крестьян из европейской России, изымало казахские земли в пользу переселенного крестьянства. В поисках пастбищ для скота и свободных угодий казахи были вынуждены мигрировать в сторону Китая [19, с. 108].

Эмиграция казахов в приграничные районы Китая усилилась во время национально-освободительного движения 1916 г. Численность казахов-переселенцев к этому времени насчитывала примерно 270 тыс. чел. [6, с. 49]. В период советской власти эмиграция казахов в Китай и другие сопредельные страны продолжалась и была усилена во время голода 1930-х гг., когда из Казахстана безвозвратно откочевали 350 тыс. чел. [6]. Причины бегства казахов коренятся в разрушении традиционного уклада жизни кочевников, принудительной коллективизации, сталинских репрессиях 1937–1938 гг.

К 1860 г. казахи, проживавшие в Ховдском аймаке Алтая, арендовали земли у монголов для свободного кочевья и выпаса скота. Монгольские казахи жили в двух странах без какого-либо ограничения до периода демаркации границы между Китаем и Монголией. На момент образования Монгольской Народной Республики в 1924 г. в ней проживало около 1870 семей казахов [20, р. 90]. К 1938 г. в Монголии казахов насчитывалось уже 4300 семей, что составило ок. 21 тыс. чел. [20, р. 91]. Вначале казахи жили в Чандманском, а затем Ховдском округе и только к 1940 г. они обрели отдельный округ Баян-Улгий.

Численность казахской диаспоры в западной Монголии к 1990 г. резко возросла за счёт естественного прироста до 120 тыс. чел. [20, р. 92]. Основным видом деятельности казахов оставалось скотоводство. После 1990 г. по инициативе Республики Казахстан на историческую родину из Баян-Улгийского региона стали возвращаться казахи, что стало одной

из причин сокращения их численности в Монголии до 82 тыс. чел. [20, р. 92].

Ключевым фактором переезда казахов на историческую родину является экономическая слабость Монголии и сокращение социальной поддержки государства. Основная масса переезжающих казахов на вопрос о причине выбора Казахстана для переселения называли его экономическую и социальную стабильность, а также то, что государство является современным и процветающим [17, р. 179].

Возникает вопрос о принадлежности диаспоры, понятии исторической родины, влиянии политических и идеологических факторов на сознание и поведение диаспоры. Началось активное возвращение казахов на историческую родину в Казахстан, а не на территорию Китая, где столько лет они жили и считали своим домом и родиной. Другими словами, этническая принадлежность и воображаемая родина сыграли ключевую роль в сознании диаспоры.

Есть другая сторона этой медали, когда репатрианты при адаптации в принимающем обществе стараются со временем стать местными жителями, не отличающимися от основной массы населения. Наряду с восстановлением традиций казахского народа, в Казахстане идет процесс русификации репатриантов. Об аккультурации репатриантов можно судить по тому, как они овладевают русским языком, активно добавляют в речь русские слова, чтобы не казаться репатриантами.

В этом ключе диаспора на родине продолжает сталкиваться с проблемой «свой – чужой», когда поневоле становишься чужим среди своих этнических собратьев и возникает вопрос адаптации казахской диаспоры на исторической родине. Важно понимать, как идет слияние или адаптация при разном понимании казахскости, казавшемся одинаковым, но по существу весьма отличным. Приводит ли это к созданию «новой диаспоры казахов» внутри казахского общества, также становится исследовательской проблемой.

Выбор жизненной стратегии зарубежных казахов, решение переезжать или же остаться напрямую зависели от ситуации в Казахстане и Монголии, политической, экономической, социально-культурной обстановки в этих странах.

Один респондент (репатриант из Монголии, 1965 г. р.) отмечал, что решение о переезде было принято после того, как его родные братья переселились в 1991 г. в Талдыкорганскую область. В отсутствие миграционной политики в Республике Казахстан на начальном этапе репатриации казахское население из Монголии переселялось по «трудовому договору». Репатриантам можно было переселяться в ту область, где была острая нехватка работников сельского хозяйства и в первую очередь животноводства.

В процессе адаптации репатрианты активно мигрировали внутри областей Казахстана, создавая репатриантский network. На втором этапе с 1997 по 2003 гг. все вопросы репатриации были законодательно урегулированы.

На третий этап (2003–2011) приходится пик этнической миграции в Казахстан, чему способствовала квотная система и поддержка репатриантов на всех этапах переезда, а также облегченная система получения гражданства. Однако проявились и проблемы: выросла безработица, усложнились процессы адаптации репатриантов к казахстанским реалиям и т. д.

Четвертый этап (2011–2014) характеризуется изменением в политике квотирования. Кроме того, ситуация с переселением была осложнена негативным информационным эхом событий в Жанаозене, что снизило мотивацию к переселению, о чем неоднократно говорили наши респонденты.

Реализация концепции миграционной политики 2017–2021 гг. определяет современную ситуацию с репатриацией казахов. Казахстан продолжает принимать этнических казахов, возвращающихся на свою историческую родину.

Почти все опрошенные жители г. Астана и ближайших сел Караоткел, Коянды по поводу казахских репатриантов из Монголии отмечают развитость среди них родственных отношений, сохранение традиций, использование в речи устаревших слов, которых местные казахи не употребляют. Казахи из Монголии характеризуются местным населением Казахстана как вольнолюбивые, отстаивающие свои позиции.

Слова одного из респондентов отражают сложность адаптации на новом месте в плане языка и менталитета, что порой способствует формированию чувства отчуждения. Приводим небольшой фрагмент. «Разница между нами и местными

в зависимости от места выхода человека, становишься частью этого места. Местные казахи переняли привычки русских, а мы той страны, откуда приехали. Мы удивлялись некоторым моментам в поведении местного населения, а они нам. Оказывается, у вас так делают, а у нас так. Например, у нас с родственниками, которыми видишься каждый день или будь это соседи, не здороваемся, только в том случае если не видимся 2–3 месяца или откуда-то приехал – только в этом случае. А тут все наоборот, нужно здороваться каждый день. Утром-вечером. А еще было для нас странным то, что будь это дом простого смертного или дом хана, можно входить в обуви. Может это из-за того, что природа позволяет или из-за окружающей среды, но мы обувь не снимали при входе в дом. А здесь нужно разуваться. Такие различия. Честно говоря, я до сих пор не говорю по-русски, что препятствует в быту и в жизни. Не научился».

Из других ключевых высказываний наших респондентов можно упомянуть следующие: «незнание местного населения и законов приводило к различным убыткам и разочарованию», «множество культурных и языковых различий» и т. п. Однако на лично-семейном уровне данные проблемы постепенно решаются и можно резюмировать, что процесс вхождения казахов, вернувшихся из Монголии, в казахстанскую действительность идет достаточно активно.

Выводы

Этнодемографическое положение Казахстана в Советском Союзе и даже после его распада характеризовалось тем, что количество казахов в составе населения республики было меньше, чем представителей других этнических групп, особенно русских. КазССР была единственной советской республикой, в которой титульное население на протяжении достаточно длительного времени было в меньшинстве. Но ситуация начала активно меняться в начале 90-х гг. XX в., когда представители европейских народов, проживавших в Казахстане, после распада СССР начали возвращаться в такие страны происхождения, как Российская Федерация, Германия, Польша, Украина и др.

В работе известного казахстанского ученого историка-демографа А. Н. Алексеенко описывается как менялась этнодемографическая ситуация в республике с 1897 по 2009 гг. Чис-

ленность «европейской» группы (русские, украинцы, немцы, татары) за период с 1897 по 1959 гг. увеличилась в восемь раз и составила 60,1 % населения. Рост населения Казахстана на 82,5 % произошел за счет тех, кто приехал из имперской России и потом из СССР. «Азиатская» группа (казахи, узбеки, уйгуры) сократилась в 1,3 раза (32,1 % населения Казахстана в 1959 г.), прежде всего за счет казахов.

В 1959 г. казахов проживало на территории Казахстана в 1,3 раза меньше, чем в конце XIX в., а их удельный вес в общей численности населения снизился до 30 %. Период 1959–1989 гг. А. Н. Алексеенко охарактеризовал как «промежуточный», «инерционный». Автор подчеркивает, что хоть рост численности европейцев был очевидным, темпы роста азиатских этносов были намного выше. Это было связано прежде всего с ростом рождаемости казахов в 1960-е гг., а также с тем, что изменение демографической ситуации в первую очередь произошло благодаря прекращению притока европейского населения.

В конце 1960-х гг. сальдо межреспубликанской миграции было отрицательным. Третий суверенный период (1989–2009) характеризуется ликвидацией этнодемографических последствий первых двух этапов [4]. В конце XX – начале XXI в. казахи в результате государственной политики стали подавляющим большинством населения Казахстана. К 2021 г. оно составило 69 % численности всего населения Республики Казахстан [25].

Стимулирование массового притока этнических казахов в Казахстан можно связать с обращением первого президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева от 31 декабря 1991 г. к казахам, проживающим за рубежом. Репатриационная политика Республики Казахстан выстраивалась на принятии нескольких основных законов и проектов.

Первым таким законодательным документом по этнической возвратной миграции в Республике Казахстан стал закон РК № 1437 от 26 июня 1992 г. об иммиграции. Второй закон Республики Казахстан «О миграции населения» был принят в 1997 г. 13 мая 2020 г. президентом Республики Казахстан Касым-Жомартом Токаевым был подписан Закон о регулировании миграционных процессов, который был введен в действие с 1 января 2021 г.

В результате исторических событий, произошедших за последний почти двухсотлетний период, на территории Монголии сформировалась казахская диаспора. Процесс её формирования и развития требует дальнейшего пристального изучения. Казахи Монголии являются частью китайских казахов, когда-то переселившихся из Китая из-за ряда исторических событий.

Но при объявлении правительством Республики Казахстан репатриационной политики они в своём большинстве переселились на историческую родину. После переезда казахи-репатрианты испытывали ряд трудностей, в том числе ментального и культурного характера. При этом казахские репатрианты из Монголии полностью принимают свою историческую родину Казахстан, связывают с ним своё будущее и активно влияют на формирование казахской и казахстанской идентичности.

Список литературы

1. Мендикулова Г. М. Исторические судьбы казахской диаспоры. Происхождение и развитие. Алматы: Ғылым, 1997. 264 с.
2. Мендикулова Г. М. Казахская диаспора: история и современность. – Алматы: Всемирная ассоц. казахов, 2006. 343 с.
3. Татимов М. Қазақ әлемі. Алматы: Атамұра, 1993. 160 б.
4. Алексеенко А. Н. Казахстан: проблемы иммиграционной политики // Миграция и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири: Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. – Иркутск, 2011. – С. 567–591.
5. Казахская диаспора и репатриация (1991–2012): монография / Балтабаева К. Н., Мамашев Т. А., Ермекбай Ж. А., Баймагамбетова А. Ж. Науч. ред. Мажитов С. Ф. Алматы: Елтаным, 2015. 568 с.
6. Аблажей Н. Н. Эмиграционные последствия коллективизации и голода начала 1930-х гг. на востоке СССР (эмиграция казахов) // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 17–18 ноября 2008 г.). – Новосибирск, 2008. – С. 100–102.
7. Сейдин Н. Б. Казахи за рубежом как объект национальной политики. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2006. 172 с.
8. Садовская Е. Ю. Миграция в Казахстане на рубеже XXI века: основные тенденции и перспективы. – Алматы: Ғылым, 2001. 260 с.
9. Абдигалиева Г. К., Камалдинова А. А. Социально-политическое положение оралманов в Казахстане // Вестник КазНУ. Серия культурология. – 2015. – №1 (50). – С. 131–138.
10. Кинаятұлы З. Монғолиядағы қазақтар. Алматы: Ата-Жұрт, 2007. 255 б.
11. Калыш А., Касымова Д. Пути интеграции оралманов в казахстанское общество: Реалии и вызовы. Алматы: «Қазақ университеті», 2013. 206 с.
12. Калыш А., Касымова Д. Поле и смыслы социокультурной интеграции этнических репатриантов. Алматы: «Қазақ университеті», 2014. 242 с.

13. Садырова М. С., Амитов С. А. Миграционные процессы в Казахстане и социальная адаптация оралманов: социологический анализ. Palmarium Fcademik Publishing. Алматы, 2014. 185 с.
14. Сванберг И. Казахские беженцы в Турции. Исследование по культурному выживанию в условиях социальных перемен. Алматы: Санат, 2005. 456 с.
15. Bargus H., Werner C. The Kazakhs of Western Mongolia: Transnational Migration from 1990-2008 // *Asian Ethnicity*. – 2010. – № 2 (11). – P. 209–228.
16. Bhavna Dave, *Politics of Modern Central Asia: The changing geopolitical context*. – USA: Routledge, 2010. 400 p.
17. Fince P. Historical Nomelands and Transnational Ties: The Case of the Mongolian Kazaks // *Zeitschrift für Ethnologie*, Bd. 138, H. 2, Special Issue: Mobility and Identity in Central Asia. – 2013. – P. 175–193.
18. Fince P., Sancak M. Migration and Risk Taking A Case Study from Kazakhstan // *Migration and Economy. Global and Local Dynamics*. – 2005. – № 1. – P. 175–194.
19. Камерон С. Голодная степь: Голод, насилие и создание Советского Казахстана. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 360 с.
20. Baatar Ts. Present situation of Kazakh-Mongolian community // *The Mongolian Journal of International Affairs*. – 2002. – № 8-9. P. 90–98.
21. Sheffer G. *Diaspora Politics: At Home Abroad*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 277 p.
22. Diener A. Negotiating Territorial Belonging: A Transnational Social Field Perspective on Mongolia's Kazakhs // *Geopolitics*. – 2007. – № 12(3). – P. 459–487.
23. Тәгімов М. Қазақ халқының диаспорасы туралы ойлар // Қазақ диаспорасының ғылыми-зерттеу мәселелері. Алматы: Фөлсафа ин-ты, 1992. 99 б.
24. О Концепции репатриации этнических казахов на историческую родину. Постановление Правительства Республики Казахстан от 16 сентября 1998 года № 900.
25. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. 2021 г. Демографический буклет. Нур-Султан, 2021.

Return of Kazakh repatriates from Mongolia to their historical homeland

Svetlana I. Kovalskaya, Akerke Khizat

Kazakh population is historically concentrated largely on the territories of Kazakhstan neighboring countries – China, Russia and Uzbekistan. In this article, the authors try to carry out the historical dynamics of adaptation of the Kazakh diaspora, which originally lived in China, then formed in Mongolia and returned to the Republic of Kazakhstan over the past 30 years. The history of formation and development of the Kazakh diaspora is unique, and the authors, using a historical and retrospective approach, analyze the process of the Kazakh diaspora returning from Mongolia to Kazakhstan.

In this paper, the authors are guided by a transnational approach to study the process of the return of ethnic Kazakhs to their historical homeland. We rely on the thesis proposed by G. Sheffer that the relationship between the homeland, the diaspora and the host country is a “complex tripartite relationship”. Such methods as qualitative research methods – in-depth interviews and the participant observation method, are used in the paper. In the article were also

used materials of field expeditions among ethnic Kazakhs in Western Mongolia (Bayan-Ulgiy), as well as in the Nur-Sultan and the nearest villages – Karaotkel, Koyandy.

Key words: migration, diaspora, Kazakhs, homeland, repatriation, repatriates, oralman, kandas.

For citation: Kovalskaya, S. I., Khizat, A. (2022). Vozvrashchenie kazahov-repatriantov iz Mongolii na istoricheskuyu rodinu [Return of Kazakh repatriates from Mongolia to their historical homeland]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 4. Pp. 50–64. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2022_4_50

References

1. Mendikulova G.M. *Istoricheskie sud'by kazahskoj diaspory. Proiskhozhdenie i razvitie*. [Historical fate of the Kazakh diaspora. Origin and development.]. Almaty: Fylym, 1997. (In Russ.)
2. Mendikulova G.M. *Kazahskaya diaspora: istoriya i sovremennost'*. [Kazakh diaspora: history and modernity]. Almaty: Vsemirnaya assoc. kazahov, 2006. (In Russ.)
3. Tatimov M. *Қазақ әлемі [The Kazakh world]* Almaty]. Atamyra, 1993. (In Kazakh)
4. Alekseenko A.N. *Kazahstan: problemy immigracionnoj politiki [Kazakhstan: problems of immigration policy] // Migraciya i diaspory v sociokul'turnom, politicheskom i ekonomicheskom prostanstve Sibiri: Rubezhi XIX-XX i XX-XXI vekov. [Migration and diaspora in socio-cultural, political and economic space of Siberia: Boundaries of XIX-XX and XX-XXI centuries]*. Irkutsk. 2011. Pp. 567–591. (In Russ.)
5. *Kazahskaya diaspora i repatriaciya (1991–2012) [Kazakh Diaspora and Repatriation (1991–2012)]*: Monografiya / Baltabaeva K. N., Mamashev T. A., Ermekbaj ZH. A., Bajmagambetova A. ZH. Nauch. red. Mazhitov S.F. Almaty: Eltany, 2015. (In Russ.)
6. Ablazhej N.N. *Emigracionnye posledstviya kollektivizacii i goloda nachala 1930-h gg. na vostoке SSSR (emigraciya kazahov) [The emigration consequences of collectivization and starvation began in the 1930s. in the east of the USSR (emigration of Kazakhs)] // Adaptacionnye mekhanizmy i praktiki v tradicionnyh i transformiruyushchih obshchestvah: opyt osvoeniya Aziatskoj Rossii [Adaptation mechanisms and practices in traditional and transforming societies: experience in the development of Asian Russia]*: Mater. Vseros. nauch.-prakt. konf. (Novosibirsk, 17–18 noyabrya 2008 g.). Novosibirsk, 2008. Pp. 100–102. (In Russ.)
7. Sejdin N. B. *Kazahi za rubezhom kak ob'ekt nacional'noj politiki*. [Kazakhs abroad as an object of national policy]. Almaty: KISI pri Prezidente RK, 2006. (In Russ.)
8. Sadovskaya E. YU. *Migraciya v Kazahstane na rubezhe XXI veka: osnovnye tendencii i perspektivy*. [Migration in Kazakhstan at the turn of the 21st century: main trends and prospects.]. Almaty: Fylym, 2001. (In Russ.)
9. Abdigalieva G. K., Kamaldinova A. A. *Social'no-politicheskoe polozhenie opalmanov v Kazaxstane* [Socio-political position of oralmen in Kazakhstan] // *Vestnik KazNU. Seriya kul'turologiya* [Bulletin of KazNU. Cultural studies series]. 2015. №1 (50). Pp. 131–138. (In Russ.)
10. Kinayatuly Z. *Моңғолиядағы қазақтар* [Kazakhs in Mongolia]. Almaty: Ata-ZHұrt, 2007. (In Kazakh)
11. Kalysh A., Kasymova D. *Puti integracii oralmanov v kazahstanskoe obshchestvo: Realii i vyzovy*. [Ways of integration of oralmen in the Kazakh society: Reality and challenges]. Almaty: «Қазақ университети», 2013. (In Russ.)
12. Kalysh A., Kasymova D. *Pole i smysly sociokul'turnoj integracii etnicheskikh repatriantov*. [Fields and meanings of sociocultural integration of ethnic repatriates]. Almaty: «Қазақ университети», 2014. (In Russ.)
13. Sadyrova M. S., Amitov S. A. *Migracionnye processy v Kazahstane i social'naya adaptaciya oralmanov: sociologicheskij analiz* [Migration processes in Kazakhstan and social adaptation of oralmen: sociological analysis]. Palmarium Fcademik Publishing. Almaty, 2014. (In Russ.)

14. Svanberg I. *Kazahskie bezhency v Turcii. Issledovanie po kul'turnomu vyzhivaniyu v usloviyah social'nyh peremen*. [Kazakh refugees in Turkey. Research on cultural survival in terms of social change]. Almaty: Sanat, 2005. (In Russ.)
15. Bargas H, Werner C. The Kazakhs of Western Mongolia: Transnational Migration from 1990-2008 // *Asian Ethnicity*. 2010. №2 (11). Pp. 209–228. (In English)
16. Dave Bh. *Politics of Modern Central Asia: The changing geopolitical context*. USA: Routledge, 2010. (In English)
17. Fince P. Historical Nomelands and Transnational Ties: The Case of the Mongolian Kazaks // *Zeitschrift für Ethnologie*, Bd. 138, H. 2, Special Issue: Mobility and Identity in Central Asia, 2013. Pp. 175–193. (In English)
18. Fince P., Sancak M. Migration and Risk Taking A Case Study from Kazakhstan // *Migration and Economy. Global and Local Dynamics*. 2005. № 1. Pp. 174–194. (In English)
19. Kameron S. *Golodnaya step': Golod, nasilie i sozdanie Sovetskogo Kazahstana*. [Hungry steppe: Hunger, violence and creation of Soviet Kazakhstan]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. (In Russ.)
20. Baatar Ts. Present situation of Kazakh-Mongolian community // *The Mongolian Journal of International Affairs*. 2002. №8-9. Pp. 90–98. (In English)
21. Sheffer G. *Diaspora Politics: At Home Abroad*, Cambridge University Press, Cambridge, 2003. (In English)
22. Diener A. Negotiating Territorial Belonging: A Transnational Social Field Perspective on Mongolia's Kazakhs // *Geopolitics*. 2007. № 12(3). Pp. 459–487. (In English)
23. Tətimov M. *Қазақ халқының diasporasy туралы ойлар* [Thoughts on the diaspora of the Kazakh people] // *Қазақ diasporасының зылыми-зерттеу мәселелери*. [Research problems of the Kazakh diaspora]. Almaty: Fəlsafa in-ty, 1992. (In Kazakh)
24. *Koncepcii repatriacii etnicheskikh kazahov na istoricheskuyu rodinu. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ot 16 sentyabrya 1998 goda № 900* [On the concept of repatriation of ethnic Kazakhs to their historical homeland. Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan dated September 16, 1998 No. 900]. (In Russ.)
25. *Byuro nacional'noj statistiki Agentstva po strategicheskomu planirovaniyu i reformam Respubliki Kazahstan. 2021 g. Demograficheskij buklet* [Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. 2021. Demographic booklet]. Nur-Sultan, 2021. (In Russ.)

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution

50/50 %